Научная статья / Scientific article

УДК / UDC 398.22(=512.31)

https://doi.org/10.31833/sifk/2025.2.4.48

Эпические формулы в улигерах хори-бурят

Бадма-Ханда Бадмадоржиевна Цыбикова
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: bc58@yandex.ru

Аннотация. Фольклорное наследие народов мира признано важнейшим средством сохранения этнокультурного и языкового разнообразия в условиях глобализации. В связи с этим особую значимость приобретает всестороннее исследование эпического наследия, обладающего неоценимым потенциалом в сохранении и трансляции ценностей традиционной культуры. Важным представляются в этом контексте выявление особенностей выразительно-художественных средств, характерных для эпической традиции конкретной этнической группы, анализ этнопоэтических формул, маркирующих значимые эпизоды эпического повествования (улигера). В статье на основе анализа хоринских улигеров рассматривается наиболее характерный для хори-бурятской эпической традиции арсенал традиционных клише. Стабильные стилистические элементы – распространенные словесные формулы, составляющие общие места, повторяющиеся в сюжетах разных эпических повествований восточных бурят, занимают заметное место в их структуре. Функциональная роль ритмически организованных словесных конструкций в сюжетном построении текста заключается в представлении законченного суждения о предмете описания. В данном исследовании выделены эпические формулы, описывающие временной фон улигерных событий; основные элементы защиты и боя, характеризующие атрибуты, доспехи богатыря, эпизоды его сражения с противником; особенности коня батора.

Ключевые слова: эпос, улигеры хори-бурят, локальная эпическая традиция, этнопоэтические формулы

Для цитирования: Цыбикова, Б-Х.Б., 2025. Эпические формулы в улигерах хори-бурят, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 2, № 4, с. 416–426. https://doi.org/10.31833/sifk/2025.2.4.48

Epic Formulas in Khori-Buryat Uligers

Badma-Khanda B. Tsybikova
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS,
Ulan-Ude, Russian Federation
E-mail: bc58@yandex.ru

Abstract. In the context of globalization, the folklore heritage of the peoples of the world is becoming a key tool for preserving ethnic, cultural and linguistic diversity. In this regard, a thorough study of the epic heritage which has enormous potential for transmitting and preserving the values of traditional culture is of particular importance. In this context, it is extremely important to identify the unique features of expressive and artistic means characteristic of the epic tradition of each ethnic group. One of these tools is ethnopoetic formulas, which designate significant moments in epic narratives known as uligers. Based on the analysis of Khorinsky uligers, the article examines the arsenal of traditional cliches, which is especially characteristic of the Khori-Buryat epic tradition. These stable stylistic elements are common verbal formulas that make up commonplaces that are repeated in the plots of various epic works of the eastern Buryats. They occupy a prominent place in the structure of these works. Rhythmically organized verbal constructions in the text serve to express complete judgments about the described subjects. In this study, epic formulas that help to convey the temporal background of events taking place in uligers were identified. They also describe the basic

© Цыбикова, Б-Х.Б., 2025

elements of defense and combat, including the attributes, armor of the hero and episodes of his battles with the enemy. The features of Bator's horse were also noted.

Keywords: epic, uligers of the Khori-Buryat people, local epic tradition, ethnopoetic formulas

For citation: Tsybikova, B.-Kh.B., 2025, Epic Formulas in Khori-Buryat Uligers, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 2, no. 4, pp. 416–426. (In Russ.) https://doi.org/10.31833/sifk/2025.2.4.48

Введение

Бурятскими учеными отмечается ограниченное количество записанных эпических текстов хори-бурят по сравнению с западно-бурятскими эпопеями. С проникновением в Восточное Забайкалье в конце XVII – начале XVIII вв. одной из школ буддийского направления – гелукпа (желтой веры) ламаистское духовенство принуждало носителей традиции отказаться от практики сказывания произведений с древними архаическими смыслами и мифологическими представлениями. Об отрицательных последствиях сложившейся ситуации того периода на развитие и распространение улигеров хоринских бурят известный эпосовед А.И. Уланов, знавший о том, как бурятский писатель Х. Намсараев с трудом записал текст «Сагаадай Мэргэн» у знатока улигеров хори-бурят, который не пожелал, чтобы его у него записывали, пишет так: «Это нежелание, конечно, продиктовано было несколькими веками господства ламаизма. Ламаистское духовенство запрещало исполнение улигеров» [Уланов, 1957: 161–162]. Все это привело к процессу постепенного угасания традиции исполнения эпических произведений в восточных регионах этнической Бурятии. Под влиянием исторических и социокультурных реалий был существенно сужен эпический репертуар хори-бурят в отличие от предбайкальских бурят, которые в значительно меньшей степени испытали влияние буддизма. Таким образом, исполнение «Гэсэра» последователями ламаизма стало запретным в силу доминирующей в нем мифологической основы и преобладающего шаманского мировоззрения.

К локальным художественно-стилевым особенностям хоринских улигеров относится их бытование в основном в смешанной стихотворно-прозаической форме в отличие от западно-бурятских, исполняющихся исключительно в стиле стихотворных эпопей. Исследователями отмечается также компактность улигерных текстов хори-бурят, характеризующихся как небольшие по объему (до трех тысяч строк), по сравнению с эхирит-булагатскими и унгинскими эпическими произведениями, достигающими до десятка и более тысяч строк. Все эти факторы повлияли и на редкую фиксацию хоринских текстов в период активного бытования эпоса.

Основная часть

Каждая эпическая традиция имеет свой строго определённый, ограниченный набор устойчивых образных выражений, влияющих на восприятие повествовательного произведения, сюжет которого может охватывать обширные временные и пространственные рамки. Одним из важнейших признаков стиля эпической поэзии исследователи считают наличие множества повторов, именуемых «постоянные эпитеты», «эпические клише», «типические места»: «И типические места, и эпические формулы являются стереотипами, которые могут быть интертекстуальными, легко переходящими из одного сказания в другое» [Кузьмина, Арбачакова, Шулбаева, 2020: 25]. По мнению отечественных эпосоведов, наличие общих структурных элементов – эпических формул, служащих значимым инструментом для характеристики персонажа или разворачивающегося действия, является типичным для крупных эпических полотен тюрко-монгольских народов. Вместе с тем они отличаются словесным оформлением, насыщением этническими концептами и культурными смыслами в соответствии с традицией.

Стабильные стилистические элементы / формулы в бурятском эпосе – это художественные заготовки, которые участвуют в сюжетно-композиционном построении улигеров. Для эпической традиции бурят в целом характерна художественно-образная повторяемость образных этнопоэтических выражений, они «по содержанию афористичны, по художественной форме поэтичны» [Ефремов, 2018: 59]. Нами поставлена задача – выявить характерные для хори-бурятской эпической традиции типовые клише и представить их роль в сюжетной организации улигера.

Эпическое время

Традиционно бурятские улигеры начинаются с описания давности происходящего в них действа. Эпическое время близко к мифическому, представляясь в качестве начального времени. Оно выражается следующим устойчивым типическим клише

Захайн модоной зулзага байха сагта,	‘ Во времена, когда старший из деревьев был молодняком (порослью),
Загал эреэн бугын инзаган байха сагта,	Во времена, когда серо-пестрый изюбр был детёнышем,
Сүн ехэ далайн нуур байха сагта,	Во времена, когда большой молочный океан был озером,
Сүмбэр ехэ уулайн болдог байха сагта,	Во времена, когда великая гора Сумбэр была бугорочком,
Шаг ехэ далайн шалбааг байха сагта,	Во времена, когда большой бушующий океан был лужицей,
Баатар ехэ загасанай моголзой байха сагта	Во времена, когда могучая богатырская рыба была мальком’

[Арбан табан …, 1997: 99]. (Здесь и далее перевод наш. – *Б.-Х. Ц.*)

Время первотворения может быть представлено также и в развернутом виде за счет более поздних наслоений с принятием хори-бурятами буддизма:

Урда-урда эхин сагта,	‘В раннее-давнее начальное время,
Энэ сагай эхиндэнь,	В самом начале этого времени,
Эргын сагаан түхэндэнь,	В былые светлые времена,
Манай сагай эхиндэнь,	В начале нашего времени,
Майдарай галабай түхэндэнь,	Во времена [воцарения бога] Майдари,
Сүн ехэ далайн	Когда великое молочное озеро
Шалааг байхадань,	Лужицей было,
Сүмэр ехэ уулын	Когда великая гора Сумэр
Болдог байхадань,	Была бугорочком,
Далай ехэ ламын	Когда великий Далай-лама
Багахан банди байхадань,	Был маленьким,
Дайбан ехэ хаанай	Когда великий хан-*дайбан*[1]
Нилха нарай байхадань,	Был младенцем-грудничком,
Зандан ехэ модоной	Когда большое сандаловое дерево
Загдуул байхадань,	Было карликовым,
Загал эреэн гүрөөһэнэй	Когда серо-пестрый изюбр
Инзаган байхадань	Был детёнышем’.

[Абарал Тогдол хаан…, 1960: 156].

Была выявлена оригинальная образная формула, переносящая эпические события во времена, когда все находилось во тьме, т. е. до сотворения мира:

Урдын урда сагта һэн ха даа,	‘Это было в раннее, давнее время,
Барагдашагүй болор,	Это было в нескончаемо мрачные,
Харагдашагүй харанхы сагта	
һэн ха даа.	Непроглядно темные времена’.

[Эхэһээ түрэһэн..., 1957: 62].

Главный персонаж эпоса. Он обладает недюжинными способностями и совершает множество деяний. Поэтому характерно в улигерах упоминание, прежде всего, о быстром росте богатыря, который может возмужать в течение короткого промежутка времени. Иными словами, он отличается тем, что обретает качества батора с младенчества:

Үндэр үргөөгтэнь оробо ха.	‘Зашел [он] во дворец его высокий.
Гаран гэхэдэнь,	Когда [он] вышел из дворца,
Хүбүүниинь түмэр үлгыһөө	Сын его из железной колыбели [выбравшийся]
Гарашоод байба ха.	Стоял уже на ногах.
Ошходоо дүүрөөд	Когда уходил, со стременем
Ошоһон хүбүүн аад,	Вровень был парень,
Ерэхэдээ, һундалдаад ерэбэ даа.	Когда возвращался, прибыл [он] уже верхом [на коне]’.

[Шэбшээдэй Мэргэн, 1960: 62–63].

[1] *Дайбан* – одно из значений этого слова: командир отряда, помощник командующего войсками в Тибете (в дореформенной военной организации Тибета было 6 дайванов) [Монгольско-русский словарь. В 4 т. Т. 2. М.: Academia, 2001, с. 19].

Особенность эпического героя проявляется и в описании его внешнего вида, не похожего на других персонажей:

Толшин шэнээн нюуртай,	‘С лицом размером с круглую пластину-бляху,
Тобшын шэнээн нюдэтэй.	С глазами размером с пуговицу’.

[Абарал Тогдол хаан…, 1960: 156].

Богатство героя. В характеристике эпического героя важное место отводится изложению его достатка. Главным его богатством в бурятских улигерах выступают скот и табуны, пасущиеся по всем четырем сторонам света:

Урда тохойгоор дүүрэн	‘Южную излучину заполняющий
Уһан алаг адуутай һэн ха.	Водянисто-пегий имел табун.
Баруун тохойгоор дүүрэн	Правую излучину заполняющий
Барандаа алаг адуутай һэн ха.	Сплошь пегой масти имел табун.
Хойто тохойгоор дүүрэһэн	Северную излучину заполняющий
Хонгор алаг малтай һэн ха.	Вольный белобокий имел скот.
Зүүн тохойгоор дүүрэн	Восточную излучину заполняющий
Зүһэ нэгэ малтай һэн ха.	Сплошь одной масти имел скот’.

[Шэбшээдэй Мэргэн, 1960: 59].

Зачастую для характеристики благосостояния героя в улигерах используется следующая эпическая формула: *ара талада үдхэһэн арбан мянган адуутай, үбэр талада үдхэһэн үй түмэн үхэртэй, хотогор талада үдхэһэн хори мянган хонитой* [Эрдэмтэ соохор морин, 1962: 116] ‘на северном склоне размножившиеся десять тысяч табунов, на южном склоне размножившееся бесчисленное множество стад, на пологом склоне размножившиеся двадцать тысяч овец’.

К «общим местам» эпических произведений относится описание жилища, которое может включать в себя характеристику необычных материалов, из которого оно построено, какими атрибутами украшено, при этом непременно упоминаются элементы декора из сандала, золота, серебра и использование различных шелков:

Хара зандан модоор	‘Из черного сандала
Хана хэн бодхобо,	Сделав стену, возвели,
Улаан зандан модоор	Из красного сандала
Уняа хэжэ бодхобо,	Сделав стропила, возвели,
Тохой зандан модоор	Из сандала в локоть
Тооно хэжэ бодхобо,	Сделав дымовое отверстие, возвели,
Шэлэ мүнгөөр	Сплошь из серебра
Туурга хэн бодхобо,	Сделав стены, возвели,
Шижэр алтаар	Из чистого золота
Дээбэри хэжэ бариба,	Сделав крышу, возвели,
Хара хитад торгоор	Из черного китайского шелка
Хаяабша хэбэ лэ,	Сделали нижние пологи,
Хүхэ түгэд торгоор	Из синего тибетского шелка
Хүшэгэ татаба лэ.	Сделанную занавеску повесили’.

[Шэбшээдэй Мэргэн, 1960: 63].

Нередко образная формула применяется для описания облика суженой героя:

Гэр нэбтэ туяардаг	‘Через [весь] дом излучающий свет
Гэрэлтэ һайхан шарайтай,	Облик [у нее] красивый, ясный,
Туурга нэбтэ толотодог	Через стены озаряющийся лучами
Тунгалаг һайхан шарайтай юм.	Облик [у нее] красивый, светлый’.

[Зүгы мэргэн..., 1961: 55].

Богатырские одеяние и снаряжение. Для доблестного эпического воина-защитника необходимы соответствующие богатырские одеяние и снаряжение, для характеристики которых традиционно используется описание, дающее представление о доспехах батора, элементах его одежды:

Ерэн тэхын эбэрээр хэһэн	‘Сделанный из рогов девяноста козлов
Елэн шара номыень үргэлүүлээд,	Гладкий желтый лук его повесив ему,
Далан табан тобшотой	С семьюдесятью пятью пуговицами
Дара магнал дэгэлыень үмэдхүүлээд,	*Дэгэл* его из узорчатого китайского шелка надев ему,
Аян замда мордохуулба.	Отправили в путь-дорогу [его]’.

[Боро соохор..., 1961: 14].

Примечательно, что в одном из улигеров в образных выражениях описываются детали, уточняющие, из чего сделан тот или иной вид его оружия: *ерэн тэхын эбэрээр хэһэн елэн хара номотой, далан тэхын арһаар оёһон дагдай хара һаадагтай, үнэгэнэй һүүлэй шэнээн үүдхэтэй, үхэрэй далын шэнээн зэбэтэй, Гунан Хара хашанаг гэжэ ехэ һомотой, гушан алда суранзан булад һэлмэтэй һэн ха* [Эрдэмтэ соохор морин, 1962: 116] ‘[Он имел] сделанный из рогов девяноста козлов гладкий черный лук, сшитый из шкуры семидесяти козлов массивный черный колчан, стрелу с опереньем размером с хвост лисы, наконечник стрелы размером с лопатку коровы, большую пулю по имени Гунан Хара хашанаг, магнитный меч булатный размером в тридцать ручных саженей’.

Сборы героя в дальний путь передаются следующими формульными выражениями, в деталях изображающие надежность защитных облачений, крепость серебряных орудий и брони: *Тоб гэмэ тохомоо, тохой мүнгэн эмээлээ тохуулжа, хаб гэмэ хазаараа, хажа мүнгэн хударгаа зүүлгэжэ, далан табан тобшотой дараа магнал дэгэлээ, далан булганай арһаар зүйһэн дара магнал малгайгаа, загаһан нюрган зандан булгар гуталаа үмдэжэ, үргэлжэ мүнгэн бүһэёо, үргэн мүнгэн һаадагаа бүһэлжэ, убсай мүнгэн хуягаа үмдэжэ* [Эрдэмтэ соохор морин, 1962: 117] ‘Оседлав [коня] потником, точно подогнанным по размеру; седлом сплошь из серебра; [надев на коня] крепкую узду, накинув шлею в серебряной оправе; облачившись в *дэгэл* из узорчатого китайского шелка с семьюдесятью пятью пуговицами, в шапку из узорчатого китайского шелка, сшитой из шкуры семидесяти соболей, [подпоясавшись] поясом сплошь из серебра, повесив широкий серебряный колчан, надев крепкую серебряную броню’.

Богатырская езда. Она в эпосе характеризуется как преодоление героем большого расстояния с необычайно высокой скоростью для достижения намеченной им цели:

Жэлын газарые	‘Расстояние [преодолимое] за год
Нэгэ һараар тобшолбо,	Проехал за один месяц,
Һарын газарые	Расстояние [преодолимое] за месяц
Нэгэ хоногоор тобшолбо.	Проехал за один день’.

[Шэбшээдэй Мэргэн, 1960: 60–61].

Кроме того, нередко в улигерах может содержаться описание характера езды, оформленное следующей эпической формулой: *Аргаар-аргаар гэшхэлүүлжэ, аягын шэнээн шорой хаялуулба, түргөөр-түргөөр гэшхэлүүлжэ, түнгэрсэгэй шэнээн шорой хаялуулба, тала газарые талхан болтор, тайга газарые үнэһэн болтор гүйлгэбэ* [Эрдэмтэ соохор морин, 1962: 117] ‘Припустив [коня] в медленном-тихом [беге], разбрасывает грязь с чашку; припустив [коня] в быстром-скором [беге], разбрасывает грязь с корягу; скачет, превращая степные земли в муку, таежные земли в пепел’.

Богатырский конь. Незаменимый спутник богатыря – конь – соответствует статусу эпического батора, он такой же могучий и сильный, как его хозяин:

Һалхинда хүсэгдэхэгүй	‘Не догоняемый ветром
Һайхан соохор морин гэгдэбэ,	Красивым пятнистым конем прославился.
Хүйда хүсэгдэхэгүй	Не опережаемый вихрем
Хүрдан соохор таһарба/	Быстроногим пестрым конем прослыл’.

[Зүгы мэргэн ..., 1961: 73].

В хори-бурятских улигерах важное место занимает подробное описание верхового снаряжения коня. Часто упоминаются серебряные украшения седла, уздечки, стремян, шлеи, нагрудника с уточнением их размера, пользы и т. д.: *хаб гэмэ хазаартай, хажа мүнгэн хударгатай, тоб гэмэ тохомтой, тохой мүнгэн эмээлтэй, торгоной һаари дүрөөбшэтэй, пүүд мүнгэн дүрөөтэй, пүүнтэ мүнгэн горьётой, өөдэ газарта туһатай үргэн мүнгэн хүмэлдэргэтэй, уруу газарта туһатай угсарга мүнгэн хударгатай һэн* [Эрдэмтэ соохор морин, 1962: 116] ‘[Имел он] крепкую узду, шлею в серебряной оправе, точно подогнанный по размеру потник, сплошь из серебра седло, сделанные из лучших шелков тебеньки седла, стремена из серебра весом с пуд, пряжку из серебра с фунт; широкий серебряный нагрудный

ремень, полезный на высоких подъемах; серебряную шлею с ремешком для подпруги, полезную при спуске вниз’.

Седлание коня также составляет один из важных моментов в сборах героя в дальний путь и может быть передано в образно-поэтической форме:

Хаза мүнгэн хазаараа барижа,	‘Взяв сплошь из серебра узду,
Хазаарлаад гэртээ асараба ха.	И обуздав [коня], привел домой.
Тохой мүнгэн эмээлээ тохобо,	Накинул седло, [сделанное] сплошь из серебра,
Хэдэн үнгын хибэс	Из ковров разных видов [сотканный]
Тохомоо тохожо,	Набросил потник свой,
Арбан улмаараа	Десятью подпругами
Атиртар татаба,	Затянул так, что [конь весь] подобрался,
Хорин улмаараа	Двадцатью подпругами
Хотиртор татаба.	Затянул так, что [спина коня] прогнулась’.

[Шэбшээдэй Мэргэн, 1960: 60].

В более развернутом виде это представлено в другом тексте:

Моринойнгоо ерхэдэнь,	‘Когда прискакал конь,
Түмэн лаан хазаараараа	Железную узду в тысячу ляней[2]
Тэрэгүүгдэн тааруулжа,	Ладно надев на него,
Мянган лаангай эмээлээ	Седло в тысячу ляней
Миралзаандань тааруулжа,	Удобно накинув на изгиб его спины,
Зуун лаангай хударгые	Шлею в тысячу ляней
Зурлай дундань тааруулжа,	В самый раз перекинув вдоль спины его,
Дүшэн лаангай дүрөөбшэёо	Тебеньки седла в четыре ляней
Дүрбэн хабһа руунь унжуулжа,	Свесив вдоль четырех его ребер,
Далан лаангай ташуурые	Кнут в семьдесят ляней
Далын дундань тааруулжа,	Приладив между его лопатками,
Хүхэ ягаан утаһаар	Розово-синим шнуром
Хүнды гэдэһээрэнь татажа,	Перетянув через подтянутый круп,
Зунай гурбан сэргэнһээ	К серебряной летней коновязи
Дүнгэн уябалтай.	Привязал [его] бережно’.

[Абарал Тогдол хаан…, 1960: 158].

Борьба / сражение

Противостояние батора с врагом является кульминационным элементом эпического сюжета, отличающимся высоким накалом и напряжённостью, оно изображается как жесточайшее испытание:

Олон түмэн үбһэнһөө олон сэрэгэйнь	‘Из множества его воинов [численность их] больше чем травы в [стоге сена]
Зүрхөө хахархань зүрхөө хахаржа,	У кого-то сердце лопнуло,
Нюдөө тэһэрхэнь нюдөө тэһэржэ	У кого-то глаза лопнули,
Һүрдэжэ үхэнэ ха.	И упали [они] замертво’.

[Эхэһээ түрэһэн..., 1957: 89].

Длительность боя выражается эпической формулой, свидетельствующей о решимости героя биться до бесконечности, пока не одолеет врага: *Энэ дайнда ядалсаа болбол, түрэһэн хүбүүнэйнгээ хүгшэртэр, түмэр дүрөөгэй һэтэртэр байлдахабди* [Эрдэмтэ соохор морин, 1962: 146] ‘Если мы испытаем затруднения в этой битве, то будем биться до тех пор, пока сын родной не состарится, пока железные стремена не раздробятся’.

Боевой лук. Исход эпического сражения зависит от достижения стрелой намеченной цели. Потому важное значение отводится характеристике ее убойной силы. В эпизодах встречи противоборствующих сторон содержатся поэтические описания ее качественных показателей, также материала, из которого изготовлены наконечник, оперенья стрелы: *Модоншни болбол гү, Алтай, Хангайн арада ургаһан агар зандан юмэл, гутахагүйн тулада гурбан жэлдэ хурлагданхайл, гажахагүйн тулада арбан һара шалаагданхайл. Сэхэ ябахын тулада гурбан һара губахидалайл. Зэбэшни болбол, ехэ тэнгэриин ерэн*

[2] Лян – мера веса в Юго-Восточной Азии.

юһэн дархашуулай шэрээн дабтажа бүтээһэн мэһэр булад бэлэй даа. Зэншни болбол, зуун уулын хүтэлдэ байратай, арбан жэлдэ атар тарган жагсаһан хубилгаан сагаан бугын баруун һайхан эбэрэй бахим гурбан һалаагай адаг һууринь бэлэй даа. Үдэншни болбол, үндэр тэнгэреэр ниидээшэ хан гарууди шубуунай баруун алтан жэбэрэй хутага һодон бэлэй даа. Онишни болбол, һүн далайн оёорой арбан гурбан һэрбээтэй абарга мажан загаһанай алтан һоёо бэлэй даа [Эрдэмтэ соохор морин, 1962: 146] ‘Дерево, из которого ты сделана, – это темно-желтый сандал, выросший на склонах Алтая, Хангая, выдержанный в течение трех лет, чтобы не отсырел; в течение десяти месяцев настоянный, чтобы его не искорёжило. [Сделан так, чтобы] прямо лететь со свистом в течение трех месяцев. Наконечник твоей стрелы выкован из массивной стали путем многократного закаливания девяноста девятью мастерами великого тэнгрия. Наконечник твой с четырьмя отверстиями – это есть самое настоящее основание трех крепких ответвлений от правого красивого рога белого изюбра-перерожденца, в течение десяти лет нагулявшего жир на привольях восточной горы. Оперенья твои – это есть острое, как нож, маховое перо из правого золотого крыла птицы хан гаруди, летающей по высокому небу. Зарубка твоей стрелы – это золотой клык могучей чудо-рыбы со дна молочного озера с тринадцатью плавниками’.

Описание чудовища. В бурятских улигерах чудовище предстает как антропоморфное существо: внешний его вид приближен к человеческому, в то же время он пятнадцатиголовый. Одновременно подчеркивается его инаковость и противопоставленность человеческому роду (латунные губы, 33 пальца, железные ногти):

Гохор гуулин хушуутай,	‘С латунными скрюченными губами,
Гушан гурбан хургатай,	С тридцатью тремя пальцами,
Гар гарынь хюмасан	Ногти каждой руки –
Ган дээдэ хюмасатай,	Обломанные, иссохшие ногти,
Хүл хүлынь хюмасан	Ногти каждой ноги
Хүдөө тээшээ гальжиисан.	В разные стороны искривлены,
Хүхэ түмэр хюмасатай,	Ногти у него из синего железа,
Иимэ юумэ ябабалтай.	Вот таким он был’.

[Абарал Тогдол хаан…, 1960: 161].

Победа богатыря

Она стабильно выражается устойчивым формульным выражением, являющимся эпической константой, которая не изменяется в бурятских улигерах:

Дайгаа даража,	‘Одержав победу,
Дархан солоо олобо.	Прославил имя свое’.

Или:

Дайгаа даража,	‘Одержав победу,
даагаа һүүлдэбэ,	оседлал годовалого жеребенка своего,
дархан солоо олобо.	прославил имя свое’.

К дополнительным (не традиционным) элементам сюжета хори-бурятского эпоса относим эпизод захоронения побежденного врага как достойного противника, оформленный с использованием следующей образной конструкции:

Унажа ябаһан мориень	‘Верхового коня его,
Ойрон асаржа алаад,	Приведя к нему, умертвили,
Нэрэгүй хурганайн үеһөө	К суставу безымянного пальца
Нээрэй жолооеынь дүнгэбэ.	Привязали поводья.
Тохомынь абажа дэбдеэд,	Постелив снятый [с его коня] потник,
Эмээлыень дэрлүүлжэ,	Уложив его головой на седло,
Аятайханаар хүүрыень табиба.	Спустили с почетом тело его.
Хүдэр номынь эбдэжэ,	Сломав массивный его лук,
Хүүр дээрэнь табиба ха.	Положили на его могилу’.

[Үбгэн Жэбжээнэй, 1958: 327].

Пир

Описание пира, которым часто завершается эпическое повествование, символизирует победу над антагонистом и наступление мирной жизни. В бурятском эпосе пир передается традиционной эпической формулой:

Гунан үхэр ала*жа,*	‘Зарезав трехлетнего бычка,
Гурбан хоног найрлаба,	Три дня [ели]-пировали,
Дүнэн үхэр алажа,	Зарезав четырехлетнего бычка,
Дүрбэн үдэр сэнгэбэ.	Четыре дня [ели]-веселились.
Хамта долоон хоног найрлаба,	Все семь дней пировали,
Хутага табингүй мяха эдибэ,	Ели мясо, не выпуская нож [из рук],
Хундага табингүй архи ууба.	Пили *архи*, не ставя чарку [на стол]’.

[Нүгэлтэ нюсэгэн Гургуули…, 1961: 173].

В подобном же мажорном стиле представлено в одном из текстов хори-бурятского улигера веселье-мероприятие, устроенное по поводу рождения у героя сына:

Арбан хоногой найр хэбэ даа,	‘Устроили пир на десять дней,
Болдогоор хэмжэжэ,	Вымеряя кочкой,
Мяха табижа хүндэлбэ,	Сварили мясо и потчевали [гостей],
Боошхоор хэмжэжэ,	Вымеряя бочкой,
Архи табижа уулгаба.	Выставили *архи* и угощали [гостей]’.

[Шэбшээдэй Мэргэн, 1960: 63].

Следует подчеркнуть, что эпические формулы – не статичные шаблоны, а гибкие структуры, в которых возможны вариации: «каждый сказитель для выражения наиболее общих понятий знает и широко использует готовые, дошедшие до него по традиции формулы (постоянные эпитеты, описания основных и повторяющихся действий, указания их времени и места), однако, наряду с этим, само искусство его как эпического певца состоит в том, что свои формулы он творит не только и не столько по законам памяти, сколько по принципу аналогии» [Гринцер, 1974: 38]. Об этом свидетельствует проанализированный материал, в котором нередко встречаются повторяющиеся обороты.

Специфичным, присущим только эпическому языку хори-бурятских улигеров, является наличие в них речитативных формульных стихотворных строк, называемых *түүрээлгэ*, значение этого термина не поддается однозначному переводу, в самом широком смысле можно соотнести со значением «говорить речитативом».

Приведем небольшой фрагмент *түүрээлгэ* – монолог коня, обращенный к хозяину:

Тар-тэхин түүрээнэ,	‘Приговаривает *тар-тэхин*,
Тар-мар үгэлнэ:	Молвит *тар-мар*:
– Турьяа һэеэ, турьяа һэеэ турлангүй!	*– Турьяа хэеэ, турьяа хэеэ турлангуй*!
Һэрьеэ һээеэ, һэрьеэ һээрээ һэнгэлэнгүйеэ!	*Хэрьеэ хээеэ, хэрьеэ хээрээ хэнгэлэнгуйеэ*!
Орон нютагһаа гарһаар	С тех пор, как выехали с родных краев,
Турлангүй, турлангүйе!	*Турлангуй, турлангуйе*!
Һэнгэлэнгүйе, һэнгэлэнгүйе!	*Хэнгэлэнгуйе, хэнгэлэнгуйе*!
Нэгэ залги уһа уугаагүйб,	Не выпил я ни глотка воды,
Турлангүй, турлангүйе!	*Турлангуй, турлангуйе*!
Нэгэ жажалха үбһэ эдеэгүйб,	Не съел ни травинки на один зубок,
Һэнгэлэнгүйе, һэнгэлэнгүйе!	*Хэнгэлэнгуйе, хэнгэлэнгуйе*!
Мяхатай амитан хадаа	Я – животное мясное
Турлангүй, турлангүйе!	*Турлангуй, турлангуйе*!
Эсээл бэзэб даа,	Устал, конечно, я,
Һэнгэлэнгүйе, һэнгэлэнгүйе!	*Хэнгэлэнгуйе, хэнгэлэнгуйе*!
Хэдэн шэнээн саг болооб гэжэ һананагши?	Сколько, думаешь, времени прошло?’

[*Хэедээр* Мэргэн, 1988: 30] (Перевод М.Н. Намжиловой).

По мнению Д.С. Дугарова, «туурээлгэ в хоринский эпос пришли из древних шаманских мистерий, обыгрывавших в лицах и ярко красочных, эффектно разрисованных масках первобытные мифы» [Дугаров, 1995: 519]. Принято считать, что эти поэтические стихотворные формы используются для оформления монолога, диалога улигерных персонажей. Проведенный анализ имеющегося в нашем распоряжении текстового материала также показал, что наиболее типичным является употребление их при оформлении речи действующих лиц.

Функциональное назначение речитативных словосочетаний *түүрээлгэ* в хори-бурятских улигерах весьма разнообразно. Они применяются в случаях, когда необходимо оформить определенную просьбу персонажей (батор просит коня поднять его на небеса; жена героя просит коня помочь спасти ее мужа; дочь хана просит отца выслушать ее, прежде чем казнить), изложить желание главного персонажа жениться на дочери хана. Зачастую через монолог-*түүрээлгэ* конь обращается к хозяину, чтобы предупредить его о грозящей опасности; подсказать ему, где спрятана душа противника; будит его от глубокого сна; стыдит его за бездействие и т. д. В стихотворно-поэтической форме *түүрээлгэ* не только сам герой, но и его враг посылают друг другу слова угрозы, уверяя своего противника в скорейшей расправе с ним и его погибели.

Мифологическая основа эпических произведений проявляется в использовании магических мотивов – заговоров, заклинаний. Эти мотивы связаны с верой в волшебную силу слова, возводимой в культ словесных заклинаний. Так, в хоринских улигерах часто слова-заклинания, слова напутствия, наказа стреле также заключены в формульных выражениях *түүрээлгэ*. Например, главный герой перед тем как выпустить стрелу с помощью *түүрээлгэ* повелевает, чтобы стрела точно поразила объект. Этот мотив напутствия-заклинания стрелы обретает дополнительное наполнение тем, что попавшая в цель стрела, вернувшись к хозяину, дает ответ-отчет, каким образом она поразила цель; или же поясняет, по какой причине она не достигла цели. Слова заговора, просьба-заклинание, когда герой вербально воздействует на успешное достижение цели пущенной стрелой, сохранившиеся в хори-бурятских улигерах, восходят к заговорной традиции монгольских народов, некогда зародившейся в охотничьей практике, к примеру, заговаривать стрелу. Позже она воплотилась и в скотоводческой деятельности кочевников, применяясь в магических целях для конкретизации своего желания.

Заключение

Итак, к поэтико-стилевым средствам, презентующим весьма важные мотивы или темы улигерных произведений хори-бурят, относятся: описание эпического времени, главного персонажа эпоса (его богатство, владения, быстрый рост, богатырские одеяние / снаряжение, сборы), коня героя, противостояния с врагом (накал, длительность борьбы), внешних черт врага, победы богатыря в борьбе с противником. Эпические формулы позволяют в образно-поэтических выражениях подчеркивать древность изложенных в улигере событий; красочно излагать качества героя, его атрибуты; рельефно передавать ключевые элементы сюжета, обеспечивая тексту художественно-образную выразительность в рамках фольклорной традиции.

Как показал анализ, для эпической традиции хори-бурят характерны как лаконичные формульные выражения, так и объемные стилистические конструкции для характеристики отдельных смысловых и структурных доминант сюжета.

Рассмотренные ритмически организованные формульные вставки *түүрээлгэ* в форме диалога / монолога, присущие хоринскому эпосу, используются в некоторых случаях для выражения просьбы, опасений, требований, в других – для обращения персонажей друг к другу с угрозой или вопросом. Все это имеет цель привлечь внимание объекта, к которому направлены слова, акцентировать остроту или важность обращения говорящего. Соответствующая речитативная интонация, отличающаяся от бытовой речи, передает ярко выраженную эмоциональность и острое напряжение. Кроме того, в хори-бурятских улигерах мотив заговаривания стрелы, характерный для эпоса тюрко-монгольских народов, представлен как эпический монолог героя в стихотворно-речитативной форме.

Список литературы

Абарал Тогдол хаан, 1960. *Бурят арадай аман зохёолой түүбэри* [= Бурятский фольклор: избранное]. Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 409 с. (на бурят. яз.)

Арбан табан насатай Алтан Ганшуудай [= Пятнадцатилетний Алтан Ганшудай], 1997. *Намжилова М.Н. Хоринские улигеры.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 120 с. (на бурят. яз.)

Боро соохор моритой Боронтуу Мэргэн [= Боронту Мэргэн на серо-пестром коне], 1961. *Агын үльгэрнүүд* [= Агинские улигеры], сост. П. Балданжапов. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 127 х. (на бурят. яз.)

Гринцер, П.А., 1974. *Древнеиндийский эпос. Генезис и типология.* М.: Наука, 425 с.

Дугаров, Д.С., 1995. Напевы бурятских улигеров, *Абай Гэсэр Могучий: Бурятский героический эпос*, отв. ред. Н.В. Кидайш-Покровская. М.: Вост. лит., с. 505–519.

Ефремов, Н.Н., 2018. Эпические формулы в олонхо северных якутов: структурно-семантический анализ, *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия "Эпосоведение"*, № 4 (12), с. 58–65. https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.12.22342

Зүгы мэргэн хаанай Мижэд хүбүүн [= Мижэд – сын Зугы Мэргэн-хана], 1961. *Агын үльгэрнүүд* [= Агинские улигеры], сост. П. Балданжапов. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 127 х. (на бурят. яз.)

Кузьмина, Е.Н., Арбачакова, Л.Н., Шулбаева, Н.В., 2020. Стереотипы в изображении женских персонажей сибирского эпоса, *Сибирский филологический журнал*, № 3, с. 23–35. https://doi.org/10.17223/18137083/72/2

Нүгэлтэ нюсэгэн Гургуули, али Тэгэс Тэлдэр хаанай Цэдэндамба [= Грешный голый Гургули или Цэдэндамба – сын Тэгэс Тэгэлдэр хана], 1988. *Улигеры хори-бурят,* отв. ред. Ц-А. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 174 с. (на бурят. яз.)

Уланов А.И., 1957. *К характеристике героического эпоса бурят.* Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 172 с.

Үбгэн Жэбжээнэй [= Убгэн Жэбжэнэй], 1958, *Дон Ц. Зохёолнууд* [= Произведения]. Улан-Удэ: Бурят-Монголой номой хэблэл, 270–333 х. (на бурят. яз.)

Хэедээр Мэргэн, 1988. *Улигеры хори-бурят,* отв. ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 174 с. (на бурят. яз.)

Шэбшээдэй Мэргэн, 1960. *Бурят арадай аман зохёолой түүбэри* [= Бурятский фольклор: избранное]. Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 409 с. (на бурят. яз.)

Эрдэмтэ соохор морин [= Премудрый пестрый конь], 1962. *Байгал,* сост. В. Юмсунов, № 4, с. 114–154. (на бурят. яз.)

Эхэhээ түрэhэн эрэ ганса Жэбжэлтэ [= Самец-одиночка, рожденный от матери], 1957. *Общий архивный фонд Центра восточных рукописей Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН*, инв. № 1829. (на бурят. яз.)

References

Abaral Togdol Khan, 1960, *Buryat folklore: selected*, Buryaadaj nomoj heblel, Ulan-Ude, 409 p. (In Buryat)

Fifteen-year-old Altan Ganshuday, 1997, *Namzhilova M.N. Khorin uligers*, Izd-vo BNC SO RAN, Ulan-Ude, 120 p. (In Buryat)

Borontu Mergen on a gray-speckled horse, 1961, *Agin uligers*, comp. P. Baldanzhapov, Buryaadaj nomoj heblel, Ulan-Ude, 127 p. (In Buryat)

Grintser, P.A., 1974, *Ancient Indian Epics: Genesis and Typology*. Nauka, Moscow, 425 p. (In Russ.)

Dugarov, D.S., 1995, Text Tunes of the Buryat Uligers, *The Mighty Abai Geser: Buryat heroic epic*, ed. N.V. Kidajsh-Pokrovskaya, Vost. lit., Moscow, pp. 505–519. (In Russ.)

Efremov, N.N., 2018, Epic formulas in the Northern Yakut Olonkho: structural-semantic analysis, *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series «Epic Studies"*, no. 4 (12), pp. 58–65. (In Russ.) https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.12.22342

Kuzmina, E.N., Arbachakova, L.N., Shulbaeva, N.V., 2020, Stereotypes in female images of the Siberian epos, *Siberian Journal of Philology*, no. 3, pp. 23–35. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/18137083/72/2

Mizhed – son of Zugy Mergen-khan, 1961, *Agin uligers*, comp. P. Baldanzhapov, Buryaadaj nomoj heblel, Ulan-Ude, 127 p. (In Buryat)

Sinful naked Gurguli or Tsedendamba - son of Teges Tegelder Khana, 1988, *Khori-Buryat uligers*, ed. C-A. Dugar-Nimaev, Buryat. kn. izd-vo, Ulan-Ude, 174 p. (In Buryat)

Ulanov, A.I. 1957, *On the characteristics of the heroic epic of the Buryats*. Buryat-Mong. publ., Ulan-Ude, 172 p. (In Russ.)

Ubgen Zhebzhenej, 1958, *Don Ts. Works*, Buryat-Mongoloj nomoj heblel, Ulan-Ude, pp. 270–333. (in Buryat)

Kheeder Mergen, 1988, *Khori-Buryat uligers*, ed. C.-A. Dugar-Nimaev, Buryat. kn. izd-vo, Ulan-Ude, 174 p. (In Buryat)

Shebsheedei Mergen, 1960, *Buryat folklore: selected*, Buryaadaj nomoj heblel, Ulan-Ude, 409 p. (In Buryat)

Wise variegated horse, 1962, *Baigal*, comp. V. Yumsunov, no. 4, pp. 114–154. (In Buryat)

The only one born to his mother Jebzhelte, 1957, General archival fund of the Center of Oriental Manuscripts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology of the SB RAS, inv. no. 1829. (in Buryat)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure Statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Заявление о финансировании

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания отдела литературоведения и фольклористики ИМБТ СО РАН на 2021–2025 годы (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6).

Funding statement

This study was conducted within the framework of a state assignment project "Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region" (No. 121031000259-6) of the Department of Literary and Folklore Studies at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2025.

Информация об авторе

Бадма-Ханда Бадмадоржиевна Цыбикова, доктор филологических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация; https://orcid.org/0000-0003-3672-1566; e-mail: bc58@yandex.ru

Information About the Author

Badma-Khanda B. Tsybikova, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude, Russian Federation; https://orcid.org/0000-0003-3672-1566; e-mail: bc58@yandex.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 14.10.2025
Одобрена после рецензирования / Approved 10.11.2025
Принята к публикации / Accepted 24.11.2025